

Ангелы, указывающие путь, развесили для нас фонари, ведя к таинственному берегу, лишь бы мы могли склониться перед ним в знак покорности.

Это был поцелуй.

Или, если выразиться точнее, действие, которое Гу Ци определил для себя как поцелуй в щеку.

Участок рядом с головой пчелы был покрыт коротким коричнево-желтым пушком, плотно прилегающим друг к другу; на кончиках ворсинок играл красивый светло-золотистый отблеск, словно на золотых монетах, озаренных лунным светом.

Гу Ци улыбнулся:

— Это ты меня утешаешь?

Жу-жу-жу.

Почти прозрачные изогнутые крылья за спиной пчелы размеренно вибрировали. Она зависла в нескольких сантиметрах над землей — не слишком высоко, чтобы дать новорожденной Матери Насекомых чувство безопасности.

Пчела не умела говорить. Она и следовавшие за ней низшие насекомоподобные преодолели половину планеты, ведомые лишь инстинктивным зовом, чтобы прийти вслед за дыханием Матери. Они не могли, подобно высшим насекомым, размышлять о ненависти и распрях. В их подсознании Мать Насекомых была ядром, тем самым внутренним стержнем, ради которого они были готовы отдать всё и которому были рады подчиниться.

Гу Ци, обнимая массивную голову пчелы, склонил голову набок. Позади, ближе или дальше, следовали другие низшие насекомые. Их формы легко можно было найти в Справочнике фантастических биологических видов звездных систем, и они не сильно отличались от тех насекомых, что встречались в человеческой Империи.

Вот синяя бабочка Морфо, прекрасная, словно сапфир; ее огромные крылья густо покрыты мелкими чешуйками, наложенными друг на друга слой за слоем, от темных к светлым. В мягком лунном свете они излучали великолепный металлический блеск — самое роскошное творение природы.

Застывший в стороне орхидейный богомол был весь розово-белым, с чуть более темными краями. Его конечности напоминали опущенные лепестки, а поднятый хвост почти в точности повторял бутон, готовый вот-вот раскрыться. В нем бесконечная застенчивость девичьей грации причудливо переплеталась с остротой смертоносного оружия. Острые хватательные лапки беззвучно сомкнулись, а треугольные фасеточные глаза неотрывно следили за Матерью.

Были здесь и стрекозы, и муравьи... Если окинуть взглядом, наберется несколько десятков. Конечно, это лишь малая часть низших насекомых на планете, но рано или поздно остальные тоже придут, привлеченные аурой, которую Мать излучала неосознанно.

Они вышли к озеру, похожему на туалетное зеркало богини, оброненное на пустынную планету. Яркая гладь отражала лунный свет, и вода была настолько прозрачной, что можно было разглядеть гладкие камешки на дне. Этот прохладный, чистый вид заставил Гу Ци захотеть немедленно прыгнуть с лап пчелы в воду, чтобы смыть с себя липкую жидкость.

Низшие насекомые во главе с пчелой лишь на мгновение замерли, словно переглянувшись. Гудение крыльев резко усилилось. Пчела подняла переднюю лапу и осторожно прижала Гу Ци к себе. В следующее мгновение лунный свет словно рванулся навстречу, и, прежде чем Гу Ци успел что-то осознать, он уже взмыл в воздух, сидя на средней лапе пчелы, и покинул пещеру.

Холодный ветер вдалеке слегка усилился. Весь покрытый липким яичным секретом Гу Ци вздрогнул и спросил пчелу:

— Здесь есть место, где можно помыться?

На этот раз пчела поняла его быстро. Она стремительно приблизилась к берегу. Природная нелюбовь к воде была подавлена ради нужд Матери. Только когда пчела медленно и осторожно погрузила хвост Гу Ци в воду, она резко отступила назад, вернувшись за пределы кустарника.

— Погоди, сейчас не время гладить шерстку. — Интуитивное чувство расслабленности позволило Гу Ци смело ухватиться за пушистый ворс. Он с усилием повернул голову пчелы к себе и, глядя в овальные фасеточные глаза, произнес: — Мне нужна вода. Место, где есть источник.

Эта группа низших насекомых пришла с другой стороны горного леса. Если бы не рождение Матери, они, возможно, за всю жизнь не ступили бы на эту чужую землю.

За Гу Ци и пчелой следовали остальные: летающие порхали крыльями, нелетающие ползли по земле. Грандиозный отряд насекомых тронулся в путь. Шуршала трава, они пробирались сквозь переплетения джунглей и переползали через огромные поваленные деревья, пока пчела не остановилась перед густым кустарником.

— Э-э, — Гу Ци хотел попросить пчелу пропустить его, но слово застряло в горле, и он не знал, как к ней обратиться, поэтому просто сказал: — Опустите меня в воду.

Светлячок с розовой грудкой и брюшком, похожим на лампочку, зажегся в сгущающихся сумерках. Свет был мягким, теплым, но лишенным жара, отдающим холодом. Бархатный муравей с ярко-красной и черной шерстью, покрывающей все тело, был в два раза крупнее пчелы-вожака. Его окрас был вызывающим, а причудливый узор из двухцветных ворсинок на брюшке напоминал древний тотем — вид у него был такой, что связываться с ним не стоило.

Гу Ци спросил:

— Вы ведь должны знать, где есть вода?

Жужжание не прекращалось. Насекомые, к которым обратились, лишь повели головами, потираясь пушистыми воротниками о ладони Гу Ци.

Это было зовом природы, безмолвным призывом божества.

Лунный свет разлился по серо-зеленому лесу пихт. Верхушки деревьев надели серебристый наряд, что рассеяло первоначальную тяжелую густую зелень, придав лесу вид, словно он случайно оказался в сказочном мире эльфов.

Не только пчела, но и все остальные низшие насекомые послушно встали стеной за кустарником. После того как пчела взмахнула крыльями, словно делая им замечание, они покорно отвернулись. Вежливые и сдержанные, они напоминали группу старомодных джентльменов, оставивших достаточно пространства для Матери, готовящейся к омовению.

Плюх.

Гу Ци зачерпнул воду идеальной температуры и полил на плечи, покрытые засохшей слизью. Он издал вздох облегчения, не заметив, как насекомое, стоявшее к нему спиной, шевельнуло усиками.

Эти яичные выделения, казалось, обладали каким-то парализующим эффектом. После того как Гу Ци смыл остатки, его ноющие руки почувствовали себя гораздо лучше, хотя царапины на коже и хвосте по-прежнему выглядели пугающе — так свирепо, словно он только что пережил ожесточенную битву.

Гу Ци поежился, его взгляд упал на холмистые горы за пределами леса. Вода здесь была теплее, чем он ожидал, а ведь так быть не должно...

Новорожденная Маленькая Мать на мгновение потеряла бдительность.

Он наконец выбрался из кокона, но это не означало легкости. Гу Ци помнил ту жажду убийства, исходящую от высших насекомых, которую он ощутил, будучи в яйце. Он не знал, откуда взялась эта ненависть и когда эти враги найдутся здесь. В любом случае, нынешнее положение дел казалось Гу Ци не слишком выгодным, даже несмотря на наличие рыцарей за спиной.

Черноволосый юноша опустил голову, глядя на хвост, погруженный в воду и мешающий двигаться. Проблема была в том, что Гу Ци сейчас не мог свободно ходить. По пути сюда он даже воображал иные исходы: например, что под приказом высших насекомых низшие могут сами выдать его, эту недоделанную Мать.

Такие неприятные мысли не изменить за пару минут. Поворчав про себя и махнув рукой на безнадежность ситуации, Гу Ци быстро подтянулся к камням у берега и громко сказал:

— Я закончил!

Чистый, с юношескими нотками голос — надо признать, у этой новорожденной Матери был прекрасный тембр.

Из-за неповоротливости хвоста Гу Ци был вынужден полагаться на низших насекомых, поэтому его проявления близости были отчасти расчетливыми. Но нельзя было отрицать, что поцелуй пчелы принес ему успокоение. У него даже возникло предчувствие: когда высшие насекомые найдут это место и захотят его убить, эти низшие существа могут стать его последним рубежом обороны.

Хотя в шутках он и говорил о том, чтобы лечь и ждать смерти, оказавшись в такой ситуации, Гу Ци все же хотел вернуть себе контроль над собственной жизнью.

Услышав зов Матери, бархатный муравей вытянул голову, словно желая взять на себя обязанности извозчика вместо пчелы, но в следующее мгновение получил от пчелы тяжелый удар передней лапой по голове. Пчела даже не взглянула на распушившуюся от гнева спину муравья. Она лишь осторожно приблизилась к воде и, как в пещере, подхватив Мать, заключила ее в объятия.

Было тепло.

Гу Ци, устроившись в коричнево-желтом пуху, лениво зевнул:

— Найдем место для отдыха?

Это был вопрос, но пчела ответила действием.

Вернувшись по тому же пути, огромный отряд снова оказался в пещере. Похоже, между разными видами низших насекомых существовала некая иерархия. Гу Ци увидел несколько незнакомых, довольно грозных на вид крупных особей, которые послушно расположились у входа, почти полностью перекрывая ночной ветер. Остальные, уже знакомые ему, более красивые насекомые, окружили его плотным кольцом, охраняя покой.

Они всегда видели себя рыцарями принцессы.

Пчела уложила Мать, выглядевшую такой хрупкой по сравнению с ними, на брюшко бархатного муравья. Черно-красная шерстка была невероятно приятной на ощупь, и стоило Гу Ци прилечь, как от нее пошло тепло.

Гу Ци, свернувшись калачиком и поджав хвост, приподнялся на локтях. Он поднял взгляд на пчелу, которая остановилась рядом с муравьем, сложив крылья, а затем посмотрел на других насекомых, неотрывно следящих за ним. Мать, родившаяся лишь сегодня и уставшая за этот долгий день, почувствовала, как накатывает сон. Его новорожденное тело было слишком слабым, чтобы выдержать такие потрясения, и то, что он продержался до сих пор, было лишь чудом.

Шух.

Передняя лапа пчелы мягко опустилась на плечо Гу Ци. Усилие было небольшим, ровно таким, чтобы подтолкнуть Маленькую Мать обратно на брюшко муравья. Лежа на спине, он видел, как в глубоких сумерках подрагивает пух на теле пчелы.

Она призывает меня спать? — подумал Гу Ци. Он послушался и лег, и, как и ожидалось, массивная лапа медленно отстранилась.

На этот раз измученная Мать больше не противилась усталости. Он медленно закрыл глаза, и его яркие губы едва слышно прошептали:

— Спокойной ночи.

В тот момент, когда он погрузился в темноту, у него уже не было сил думать о своем положении.

Короткое, едва уловимое жужжание стало ответом насекомых. Почувствовав, что дыхание красивой и хрупкой Матери стало ровным, они снова беззвучно сгруппировались, плотно укрыв черноволосого юношу под своей защитой.

Он спал глубоко и сладко.

Эта группа низших насекомых неожиданно заслужила доверие Белой Розы из трущоб.

<http://bllate.org/book/21239/2148736>